

Информант: Суперфин Яков Борисович (ЯС), 1947 г.р., с. Климово, Красногвардейский район, АРК

Интервью записано с. Восход Красногвардейский район АРКрым

9. 08. 2005

Собиратели: Муха Ольга (ОМ), Зайцева Юлия (ЮЗ)

ОМ: Пожалуйста, представьтесь, скажите год рождения.

ЯС: Я родился в 1947 году

ОМ: Где?

ЯС: Село Климово Красногвардейского района, колхоз «Первое Мая» был тогда, значит в этом колхозе жили одни евреи. Ни одного русского никто не жил, одни евреи жили. Это еврейская деревня, в еврейской деревне я родился, короче говоря. Вот. Отец приехал сюда в 27 году. В 1927 году, значит приехал с... на одной платформе с председателем, бывший председатель Егудин, был такой, Илья Абрамович. Вот они приехали из Белоруссии на одной платформе. Значит, по рассказам отца, в Красногвардейске была узкоколейка и стояла избушка в те годы. А в Климово было 3 или 4 домика, и все жили, остальные жили в ... землянках. Это они приехали по программе агроджоинта. Сюда. Вот. А дальше я не знаю как...

ОМ: А что за программа агроджоинта?

ЯС: Значит, вот я хочу вам газету найти...

ОМ: Нет, ну вы расскажите.

ЯС: Ну я, я же еще считаю себя молодым, хотя мне вот почти 60 лет... Значит, ну эта программа была, значит, заселение евреями северного Крыма. Восстановление здесь колхозов, значит, вот, ну северный Крым – Джанкойский район, Первомайский район, Красногвардейский район, значит. И сюда стали переселять евреев, это Агроджоинт - это фирма тогда была, поставляла технику. Первые трактора – это фортзоны (?), поставляла она, в Керчи их выгружали, в Керчи. И вот в нашем колхозе в этом у евреев был один трактор. Фортзон, и я его в своей жизни видел. Он сохранился, я его видел, его. А так работали, восстанавливали, вот, все делали своими руками.

ОМ: А агроджоинт, они откуда?

ЯС: Это американская фирма, которая работает, работала со всеми евреями. Она и сейчас существует. Всего... во всем мире... Я только не знаю откуда они финансы берут.

ЮЗ: А вот почему они берут и помогают людям?

ЯС: Я это я не могу сказать... Сейчас, конечно, помощь я не знаю какая идет. Потому что я вот получаю же посылки. Но это не агроджоинтовские посылки, наверное. Я не могу сказать, чьи это посылки. Даже не знаю какие они сейчас, какую помощь они сейчас делают. Я даже не могу сказать. Но то, что они тогда помогали – это я прекрасно знаю. Там целая борьба была за землю, значит, политика была такая. Здесь было татарское государство, ну

типа татарского. Это все вот газету найду, дам вам прочитать. Там даже выписки есть из этого самого... политбюро партии. Там, как все это делалось, все. Такие не встречали документы? Вот у меня должен быть здесь этот документ. Быть. Это очень интересно, значит как это все было, значит.

ОМ: А с кем боролись за землю?

ЯС: Ну, Совнарком...Крым... был татарская республика здесь или как-то было и это самое, и... советская республика пытались, чтоб землю дали. Она была в составе ССР тогда, землю пытались это самое... но я не могу сказать точно, потому что я не...

ОМ: А у евреев откуда была земля?

ЯС: Ну выделила...

ОМ: Советская...

ЯС: Советская...респуб... государство, выделило специальные земли под колхозы. И вот эти колхозы здесь начали... ну, начали...

ОМ: Существовать и развиваться.

ОМ: А откуда ваш отец был, из Беларуси?

ЯС: Значит, Шумячинский район, ну я не знаю как... Климовичи и Шумячи – все евреи приехали, почти, из Климовичей и Шумячей. Это Белоруссия.

ЮЗ: Шу-мя-чи?

ЯС: Шумячи и Климовичи. Вот. У нас даже есть здесь живет человек один, который. Которому уже наверное около 100 лет, да. Вот в моем доме, в такой квартире, только с той стороны. Он живет. Лоскович. В 22-м году, мой отец родился в 98 году, еще в том столетии, и в 22-м или 23-м году у них был магазин, в Белоруссии, и этот дед у него в магазине работал. Вот. Ну что еще?

ОМ: Расскажите нам, во-первых, какое у вас образование.

ЯС: У меня 11 классов образование, я колхозник.

ОМ: А вы закончили в Климово, да?

ЯС: Нет, я учился в Климово 8 классов, а потом я уехал, значит, в Симферополь. Учился там в 38 школе, значит. В Заводском я жил в Симферополе, значит, и в Симферополе я ушел в армию. С армии я пришел обратно. На телезавод. Знаете был такой телезавод «Фотон»? делал. Вот. И я работал на «Фотоне» 14,5 лет. Заработал там пенсию, я во вредном цеху работал. Все, там, кто работал со мной, все умерли. Смена 60 человек работала, вот 3 смены по 20 человек. Все почти поумирали, я живой остался еще. Я работал с полистиролом. Ну делали... пластмассовые изделия делали. Вот. Ну и это самое... потом я женился, поздно я женился. Взял себе жену, и мы там встретились, поженились. И приехали обратно сюда вот, и здесь я проработал тоже 2...

ЯС: Уже 3 года, наверное, на пенсии. Получил, по химии эту пенсию получил. Так неплохо мы... жена работает в школе, английский язык преподает. Вот 25 лет преподает английский язык. Приезжали у нас американцы, богатые люди, с Америки приезжали, миллионер приезжал. И она свободно с ним общалась, свободно, даже без акцента. Он потом, он

потом через переводчицу, может знаете там Лиза переводчица, такая была, есть эта. Не встречали Лизу? Она значит, я через нее спрашиваю: «Ну, как английский моя жена знает?», а он говорит: «Во!», говорит. Так что... Ну, вот в таком плане...

ОМ: Скажите, а вы в Израиль не хотите поехать?

ЯС: Это очень сложная проблема, значит... Вы хотите узнать, как про Израиль?

ОМ: Да, как вы относитесь к Израилю, что вы о нем думаете?

ЯС: Значит, он мне снился. Все мои родственники в Израиле. Родная сестра моей жены в Израиле. Живет в нрзб. Я очень стремился выехать в Израиль, это была мечта моей жизни. Значит, постепенно она у меня угасла, это... буквально за последние вот 4 месяца. У меня умерла родственница и сразу ее муж умер, после этого, в Симферополе и я там встречался с людьми и они мне сказали, что б ни в коем случае сейчас не думали, не ехали туда. Значит. Много проблем. Значит. И вот в субботу я встретился с израильтянкой. Выключи. Нажми, выключи, я покажу сейчас.

ЯС: И она мне сказала, она в этой сфере работала, и она сказала, чтоб ни в коем случае сейчас чтоб мы не ехали туда. Значит я... я попадаю в такую щас, как сказать... Значит, я не пенсионер израильский, инее рабочий. Значит мне позавчера исполнилось 58 лет. Меня там на работу никто не возьмет. Никто. Никуда. Даже если я устоюсь подметать что-то, и то это будет очень... наврядли. Значит.

ЮЗ: Из-за возраста?

ЯС: Да –да, из-за возраста. И пенсию я... Социальная помощь, которую я буду там получать, значит, за социальную помощь нужно всю отчитываться, она работала в этой сфере и знает: значит, купил ложку – 50% заплати налог. Значит. Купил, я говорю куплю там машину, значит, она говорит: «Никогда в жизни вы там машину не купите, там огромный налог – это раз, и если , значит, если ты купишь машину, значит социальную помощь с тебя снимут сразу». Значит, э... Мопед – она говорит, значит, 50 % налога сразу заплатишь. Социальная помощь, если я буду 350 долларов получать, значит, половину я должен во всей сфере отдать в налог. Что бы я... и отчитаться строжайший отчет, вот. Ну, сказала, очень много проблем. Мы разговаривали за медицину. Вот у нее вот, у этой женщины, у нее в прошлом году умер сын, значит, ему сделали операцию в Израиле, и по сей день она... значит, стало дома плохо, его отвезли в больницу, ему сделали операцию, и по сей день она говорит: «Я не могу найти концов... Какую операцию, что ему сделали даже.» Беспредел, говорит. «Ничего не могу узнать». Ну, зарез... она понимает, что его просто там, делали какую-то операцию и зарезали. И ничего не может... говорит: «Я не знаю от чего он умер». И все. Не могут добиться. И юристы там для нее работали, все. У него осталася дочь, доченька 4 года и нрзб – 10 лет девочке. И она говорит: «Если б у меня была возможность, я сейчас вернулась бы сюда, в Симферополь, и жила бы тут в сто раз лучше, чем там». Вот. Ну, теракты – это, конечно, у них, она

рассказывает про теракты, что это все ерунда, народ Израиля к этому привык, вот, народ Израиля привык, и там к этому относятся... Ну...

ОМ: Спокойно

ЯС: Спокойно, никто это. Кому суждено умереть, тот умер. Вот. Вот такие...

ОМ: Имеет ли смысл вам поехать позже. Когда...

ЯС: Да, вот я думал, я думал, что вот жена хотя бы станет пенсионеркой, по тем годам, вот когда ей будет хоть 60 лет, вот, когда ей будет 60 лет. Через 2 года. Мысль такая была раньше, что вот, когда ей будет 60 лет, а мне нужно до 67ми. А пенсионерам, она сказала, там хорошо. Вот именно, что пенсионерам там хорошо. А вообще надо было ехать 20 лет назад. Вот. Племянники у меня 14го, 15го вечером приезжают с Израиля пле... вот моего племянника, ну я двоюродный племянник считаю, сын, значит, у этого племянника, у него 3 сына, все в Израиле живут. Они очень хорошо живут, они очень хорошо обеспечены сами себя, они все молодые, Лена их всех знает. Один кончил, здесь учился... Да, старшему – 35. он работает, сейчас он работает на фирме, которая производит цифровую кинокамеру, одна только плата стоит 25 тысяч долларов. Вот. А он кончил четыре курса высшего военно-морского инженерного училища, вот, мой сын химимк-атомщик был, а он – электронщик, значит, и бросили это все, когда переходил туда этот самый... училище переходило в Петроград. И он бросил, кончил политехнический здесь, в Симферополе, тоже электронику там. И вот сейчас его по компьютеру там разыскала японская какая-то фирма, значит, и он в этой фирме, переехал в Назарет, в Назарете он, а жил километров 20 от Назарета там, около Твери там жил(?). вот и прекрасно... В кибуце жил, вот. И вот в Твери, и в Назарете сейчас, значит, машину уже купил и, это самое, очень хорошие деньги зарабатывает. И вот в этой фирме работает. Второй кончил, Сережа, здесь окончил наш университет, кончил, и там тоже университет кончил, вот. А где работает, я сейчас не знаю. Он, значит... Жена работает в Тель-Авиве в супермаркете, продавщицей. Тоже наш институт кончила, вот этот, университет наш кончила, и прекрасно живут. А средний, значит, этот самый, Саша, он кончил школу там, он по программе уехал, кончил школу, и там сейчас он в армии. И девочка, он сейчас хочет жениться, девочка тоже в армии. Вот, они в армии сейчас. Ну, все прекрасно живут. А вот ее сестра [показывает на жену], ей тяжело. Она живет в этом самом, в Араде, одна, не замужем, папе 85 лет. А? 80? Ну, это ее отчим, а по маме они родные.

ОМ: А кто у вас, у вас есть еврей?

ЖЕНА: Отчим еврей.

ЯС: отчим у нее еврей. А сестра родная считается еврейкой, и она выехала, с папой вместе. Папа еврей, и она живет в Араде, Алена. Вот, на фотографии...

ОМ: Все таки Израиль – это ваша мечта. Так и осталась?

ЯС: Да, я... ну, щас она спала, после того, как она рассказала... я не могу все рассказать, что она рассказывала мне, вот, что ей, например, там очень тяжело. Зина вот эта вот. Им очень тяжело там все, вот. Во-первых, она мне рассказала, так что...спросила: «А жена твоя кто?». Русская или еврейка. Я

говору: «Русская». Ну и все, говорит, это будут нескончаемые проблемы... Самое главное, что если, не дай бог, что-то случится, то ее похоронить- это будет целая проблема. Они там специальные кладбища, где русских хоронят, там неухожено, неубрано и все это заброшено, вот. Вот так.

ОМ: Да, расскажите, кто у вас были родители. Мама, папа. По национальности, когда родились.

ЯС: У меня очень интересная семья, с интересными родственниками. Это настолько интересно, что если я начну вам рассказывать, не хватит этой пленки у вас.

ОМ: Ничего, у нас еще одна есть.

ЯС: есть, да? Значит, папа – Суперфин.

ОМ: А что означает «Суперфин»?

ЖЕНА: *superfine* – супер прекрасный.

ЯС: Не, не что-то не то... Я не знаю что. Мама Йофина (?).

ОМ: Йофе – прекрасная.

ЯС: Йофина. Прекрасная. Значит, вот они там поженились, значит, и приехали сюда Девятнадцатилетними. Мама моя 1907 года, а папа 98го того столетия. Вот. Они прожили здесь, прожили 50 лет совместной жизни у них. Значит, папа ушел на фронт во время войны. Он был с двумя классами образования, был мясником. Скот резал. Проводил еврейские, ну... так... похороны делал для евреев, там, обрезание делал евреям, и, это самое, свадьбы, ну все это. До войны и после войны. Вот, ушел на фронт, значит, всю войну... жменя орденов, медалей – ордена есть, медали, все. Прошел всю войну, и нигде его не зацепило, не ранило, ничего, а был он минером. Минером был. Значит, у него... Закончил войну в Японии, вот. И у него брат был...у него много братьев было. Значит, один брат у него был, значит, забыл...я забыл имя его. Всех не помню, уже голова... Короче, он его 20 лет не видел, до 43го. В 43м году бежал он в атаку в Сталинграде и рядом в атаке встретил своего брата, вот. И встретил брата. И вот они в атаке бежали, поговорили, разбежались, и больше он его не увидел. Вот. С мамой он встретился...значит, когда началась война... уехали, значит...э-э-э...наши села уехали, угнали скот в эвакуацию. Знаете что такое эвакуация? Значит, увезли скот аж под Грозный туда. И под Грозным в 42м году уже война шла, в 42м году мама с папой встретились в Грозном. Значит, как это все происходило: значит, немцы были километр от передних позиций, от наших позиций были, и по середине на 500метровом расстоянии от одной стороны и от другой шла дорога, и шел обоз, и папа взял бинокль, и посмотрел в обоз, и увидел там маму. Вот, это было в конце 42го года. Вот, и сел на коня, и... поскакал, и точно – наш обоз гнал скот, немцы не трогали, вот. Вся наша деревня была. Ну, и значит... мама рассказывала, что он прискакал, говорит, оборванный, обуви не было никакой, вот так отступали. Не было ни обуви никакой, ни фуражки, значит, в подштанниках он был... не было даже этого... галифе, не было, значит. И от кальсон рубашка была. Голый и голодный. И говорит, с бородой – не было времени побриться и все... А папа шел на фронт добровольцем, вот. Он был белобилетник – у него был сломан

палец на ноге, загнутый, у него этот большой палец был вот так загнутый. И он добровольцем, ради детей и внуков он ушел на фронт. Ну, и вот они там встретились, а у меня там были, значит, сестра, значит...значит, 2 брата и 2 сестры были с мамой, меня не было, я пятый ребенок был. Ну, встретились, предложили ему остаться с ними, а пап сказал: «Нет, я пойду на фронт». И они расстались, и встретились только в 46м году. Мама приехала сюда в 44м, уже Крым освободили, а папа после Японии приехал, это на 46й год, весной, уже пришел с войны. Вот, а дети... умерли там... вот, от этой болезни... от малярии там умер брат, и сестра там умерли. А сестра и брат остались, ну у меня уже брат умер тоже, вот, а сестра у меня еще, 76й год, сестра еще живая. В Симферополе живет, она на костылях ходит, вот. Ну, вот так, значит... А папа делал этот колхоз, восстанавливал, делал все это. Еврейская программа, все евреи были: председатель – еврей, все-все-все... вот. Жили очень дружно, весело, красиво жили. Я это все застал в своей жизни, а сейчас все это уничтожено. Это сестра моя, вот, родная [показывает фотографию], в Симферополе живет.

Теперь начну рассказывать кто у меня родственники. Значит, был такой политический обозреватель, Валентин Сергеевич Зорин. Слышали такого? Не слышали. Это был директор института США и Канады. Ну, вот, они уже умерли, это был двоюродный брат моей мамы. Моя сестра, Женя Резникова, работала в Кремле. Значит, врач гомеопат, значит, она проработала там 45 лет. Почти 50 она проработала. Значит, когда Берия сделал там дело врачей, слышали такое? Вот она попала в эту... там десятка или пятнадцать врачей было, она попала в эту... в ихнее это самое. И ей присудили 15 лет, отсидела она прямо в Кремле, в КПЗ, 9 месяцев и 3 дня, это так я по разговорам, это то, что мне рассказали... 9 месяцев и 3 дня отсидела она, и Берию тогда расстреляли, Сталин умер и ее выпустили. А мужа у нее, Самуил Гордон, это по мужу, такого писателя слышали когда-нибудь? Самуил Гордон. А есть еще Илья Гордон – его брат, вот когда, значит... Самуил Гордон очень часто приезжал в наш колхоз, и он писал книги про нашего председателя Криворотова и Переверзева, а Илья Гордон писал книгу про «Дружбу Народов» колхоз, это Красногвардейский район, по ту сторону, про Егудина писал, и... Илья Гордон написал очень интересную книгу – «Под жарким солнцем», вот эту если вы найдете книгу здесь, значит... это...он описал все с 27го года по 60й год, с фамилиями, все в точности, как это все поднималось. В точности. Значит, вот эта книга есть в библиотеке «Эль Эзра», в Симферополе, на Миллера 58. вы там не бывали еще?

ОМ: Нет. Еще не были.

ЯС: там есть, значит... такой... стенд есть, значит. Во-первых, там...у меня такой фотографии нет, ноя там нашел фотографии своей мамы и папы. На этом стенде, вот. Еврейство в нашем Крыму - стенд, вот если вы хотите по истории, вы, значит, должны в Симферополь подъехать, там есть моя одноклассница, Вера Норштейн, вот.

ОМ: Она ж дала нам ваш адрес.

ЯС: сама Вера дала? А где вы с ней встретились?

...

ЯС: Ну, и там, значит, когда я там был в библиотеке, был в прошлом году у Веры, или в позапрошлом...

...

ОМ: По поводу вашей семьи: каких они традиций придерживались? Они были религиозными?

ЯС: Да, я считаю, что папа...папа носил кипу эту, и... у него был этот, специальный этот...Ну, не знаю, как он называется... и он, значит, до, наверное, 60го года, он производил все, ну, по еврейским обычаям, все, что нужно было – там, похороны, там, евреев...

ОМ: Расскажите нам подробней

ЯС: Я не знаю как это происходило, я это... я не видел этого никогда.

ЮЗ: А кто рассказывал?

ЯС: ну, я знаю, что... Вот в доме у меня русской речи никогда не было.

ОМ: А на каком языке?

ЯС: На идиш. Вот. И я прекрасно знал идиш, говорил, а папа писал и папа откуда-то знал иврит. Где он научился писать на иврите – я не знаю. У него была сестра, ну столько лет папе было, у него сестра была, и он всегда писал на иврите и с ней переписывался на иврите. Я как-то спросил: может он писал на идиш? Писал, вот. Но мой племянник мне сказал, что это не идиш. Это значит там. То, что он писал – точно, смотришь – закорючки, вот справа, это самое... да. А разговаривали в моей семье только на идише, ни разу за сколько лет я прожил там с ними, вот, я уехал в Симферополь, я с 8го класса, в 63м я уехал в Симфе... не, в 61м я, наверное, уехал в Симферополь. И потом я приезжал, и после армии, до самой смерти никогда отец и мать не называли... не говорили по-русски.

ОМ: А вот 8 классов вы учились в какой школе?

ЯС: В климовской школе там.

ОМ: Еврейская школа?

ЯС: Нет, смешанная русская школа. Ну, а я учился, все...все учителя были евреями.

ОМ: А на каком языке они преподавали?

ЯС: На русском, но были все до одного евреи, вот.

ОМ: А вы можете сейчас что-то воспроизвести на идише? Или песенку, или стишок какой-то, что сможете вспомнить.

ЯС: Не... Ему сказали: [слова на идиш]

ОМ: Что означает?

ЯС: Я немножко говорю на еврейском.

ОМ: А песни какие-то вы пели?

ЯС: Не... Ну, я уже забыл, уже сколько лет прошло, я уже все это, вот... Я включал, я приемник включал и слушал, раньше Иерусалим, у меня приемник поломался, я слушал Иерусалим с 8 вечера до 10 вечера. И часто там на идиш все это самое, начинал, это самое, воспроизводить для себя все. Ну, сложно это все.

ЖЕНА: Он же на немецкий похож, между прочим.

ЯС: Да, немецкий когда я учил, меня учительница Екатерина Яковлевна говорила: «Суперфин, выйди из класса! Ты и так все хорошо знаешь. Не мешай, выйди из класса». Вот, я свободно владел еврейским языком, свободно, потому что ну, нельзя было общаться: маме, папе скажешь что-нибудь на русском там, я же в своей среде детей, уже русские были тогда, что-нибудь придешь домой скажешь – папа накричит на тебя еще, вот. Ну, а мама с папой всегда говорили на идише, никогда, например, папу звали Борисом, чтоб мама назвала его Борисом – никогда не было. Мама звала его Бенча (?), вот. А папа маму звал Хая, и все, и никогда этого не было, чтоб там Фаня назвал, или «Борис, иди сюда», там.

ОМ: А праздники какие-то праздновали еврейские?

ЯС: Да, вот праздники, мама готовилась к праздникам, вот. Она пекла, значит, тегиле пекла. Знаете, что такое тегиле? Это очень сложный процесс был тогда. Значит, осенью она закатывала шарики вот такие мучные, у нас была русская печь в доме. вот, русская печь была. Вот такие шарики на протвинах все это сушилось, а там Пурим, или...я уже, ну, тоже уже... А там, Пурим. Ну, обычно Пурим, к этому празднику, вот. Ну, папа все праздники, все это исполнял, все, значит, и к этому празднику мама делала тегиле. Значит, заливалось медом это, и обратно все это сушилось, потом это резалось, вот. Вот это вот мама делала, а, конечно. Из еврейского блюда – это я никогда, наверное, в жизни не попробую так, у нас мама одна только делала так в Климово, вот такой казан, папа был мясником, принесет всякого мяса, мама еще начиняла кишки, вот, называлось пунча. Это еврейское блюдо было и такой казан, все это ставилось в печку и вынималось оно все красное, и начинялось кишки мукой и говяжьим жиром. Вкуснее этого я в своей жизни не ел. И я никогда наверное не поем. Вот.

ОМ: А свинину?

ЯС: Конечно, кушаем, что... Папа же...

ОМ: А папа?

ЯС: Папа ел тоже свинину, ну, ели все, вот. Мясо свиней выращивали, и он резал, убивал. Все вот то, я говорю, что ели...все свинину ели и все. Это отходили от веры, конечно, они все, вот. И я тоже. Так я воспитался...

ЮЗ: А вы верите в бога?

ЯС: Это очень сложный вопрос. Я на этот вопрос не хочу отвечать.

ЮЗ: Ну, а вы не придерживаетесь никаких традиций?

ЯС: Я не придерживаюсь.

ОМ: Ну, возможно, будете придерживаться.

ЯС: Да? Не знаю. Жена у меня христианка.

ОМ: А вы кто?

ЯС: Я никто. Я хожу... другой раз хожу с ней проповеди послушаю, по телевизору слушаю. Кого я слушаю? Рикренера(?) слушаю, знаете же этого? Не знаете? Значит, этих я слушаю, включаю... я просто слушаю о божь. Просто. Я слушаю этих американцев, вот.

ОМ: Протестанты.

ЯС: Ну, да. Протестанты. Много всего. А жена моя занимается этим. Она очень сильно верующий человек. Она христианка, и мы с ней... мы с ней уживаемся на этой теме очень хорошо, вот. Это уже с Израиля, вот. [о фото]

ОМ: А еще какие-то праздники помните?

ЯС: Ну...

ОМ: Пасха, новый год... что-то праздновали?

ЯС: Ну, шо Пасху... Пасху мы, конечно... Песах... мы праздно... Песах. Я... э... Вера приезжала на эту, праздновали...

ОМ: Нет, еще с родителями

ЯС: А, да. Это папа... Ну, я не помню, но я знаю, что Песах - это был, это очень хороший праздник был, вот. И... очень хороший праздник, папа праздновал, вот. А мы с Галей празднуем сейчас. И что по Старому Новому Завету, что по Новому Завету – это все празднуется. Я вообще не как... как христиане, НРЗБ... они абсолютно не так празднуют, как евреи празднуют. И что это такое? Я им даю Библию, говорю: «Вот, почитайте, как здесь написано», и что, и Галя тоже, она придерживается этих пунктов. И яйца красить...

ЖЕНА: Ничего не надо никакие яйца.

ЯС: Ну, да. Евреи яйца не красили. Понимаете, ни куличи, ни яйца не красили. Вот, и мы прекрасно это все знаем, все...

ЖЕНА: Сейчас есть движение «Евреи за Христа», знаете? И очень сильное в Киеве... К нам приезжал

....

ЯС: ...это протестантской... и есть церкви, как его там? Ну, которого не пус...

ЖЕНА: Потопаева?

ЯС: Потопаева. Слышали его, нет?

ЖЕНА: НРЗБ... (В Киеве знаменитый пастырь, который излечивает в ее церкви от наркомании, алкоголизма (?))

ЯС: Она очень известная, во всем мире известная

ЖЕНА: Еврейка, ее не пустили туда.

ЯС: Еврейка, ее не пустили...

...

ЯС: У моей матери есть... был родной брат, дядя Миша, значит, Йофин Михаил Яковлевич. Значит, во время войны он работал вместе с... такой был генерал Штименко. И он вместе с ним работал, это были два теоретика, разработчика военных операций, вот. Он работал в генеральном штабе. В самом значит, у него было звание подполковника, тогда. А адъютант у него был полковник Ваня. Можете себе представить, как его охраняли тогда. Значит, он разрабатывал почти все военные операции, которые происходили во время войны, вот. И то, что нам говорят, что Жуков там... все... все это ерунда. Целый вагон людей был, специальных людей, которые все это... а большинство там были все евреи, и вот. И он разрабатывал эти, значит, технологии военные все, но больше всего со Штименко они работали в паре

там, вот. Значит, что еще вам сказать? Что-то я хотел еще интересное...
Выключи на минуту.

...

ЯС: Они живут, жили в Куйбышеве, город Куйбышев, значит, и Зиновий добился того, тогда не так как было сейчас, добился того, что он попал на прием к Берии, и вот мне этот Зиновий рассказывал: Берия ему сказал, ну...Зиновий же еще молодым был тогда, и Берия ему сказал: «Ты еще посмотришь какой он враг народа». «Какая она враг народа». Готовился такой процесс. Они ж все уже знали, и на тебе – через месяц или через два Берию расстреляли. Вот и все, и она спаслась и все, вот. Вот такая вот история.

...

ЯС: Отец резал скот, сейчас никто не режет. Значит, так, как он резал скот, значит: во-первых у него был, значит, топор такой интересный, он бил по голове скот, ну...свинью, значит, оглушал ее сразу, моментально. Она переворачивалась и все, тогда он ее резал. Сейчас, вот Лена знает, пока свинья полчаса не покричит, и говорят, что всех соседей за душу берет так, что потом две ночи не спишь, после этого крика. Правильно, Лена, я говорю? Да. И уже считается мясо, значит, если животное закричало – уже мясо отравлено, считается, все. Американцы, я видел фильм такой интересный, американцы, значит, забивают скот в одном месте, убивается туша, и потом по тоннелю идет за 4 километра, там только разделка идет. Чтобы ни запаха, ничего не слышно было. Вот корову током убили ее, сразу все обмывается, моется все. Настолько все это стерильно делается! Вторая заходит уже ни запаха, ничего, чтобы кровью, чтобы не испортилась. И вот так мой папа резал, вот.

ОМ: Как покойников он хоронил?

ЯС: Ну, знаю, что всех евреев хоронили на доске, это я точно знаю.

ОМ: Как на доске?

ЯС: Ну, не в гробу.

ОМ: А обмывали?

ЯС: Да, это он ходил обмывать сам, папа.

ОМ: А что-то вспомните, пожалуйста.

ЯС: Не знаю ничего.

ОМ: Куда воду выливал?

ЯС: Ничего не знаю.

ОМ: Он пел что-то? Куда ложил покойника?

ЯС: Не видел, никогда не видел, не знаю. Хотел бы это я узнать, но я не знаю это, не видел. Да, никто это не расскажет, наверное. Не знаю. Единственное знаю, что хо... на доске хоронил – это точно.

ОМ: То есть доска была внизу? В яме?

ЯС: Значит, наверное, делалось это так: ложилась доска, обмывали простынью, простынью обмывали и опускали туда.

ОМ: Сверху доска?

ЯС: Снизу.

ОМ: Ну, а бросали и сразу землей забрасывали?

ЯС: Не, ну в простынь заматывали.

ОМ: Ну, а потом?

ЯС: Прямо в простынь... вот, доску ложили, и вот так вот заматывали с доской, вот и ложили. Я почему так думаю, потому что я присутствовал при вскрытии могилы – женщину еврейскую, перевозили косточки в другое место. И никакого гроба не было, и лоскутки были, волосы красивые были, украшения золотые были и доска не сгнила под ней. И все, и вот это вот, на основании этого я могу подумать, что обматывали...

ЮЗ: А клали что-нибудь в могилу?

ЯС: Не знаю, нет. Ничего не знаю.

ОМ: А свадьбы? Что-то помните о свадьбах еврейских?

ЯС: Свадьбу еврейскую... Я был у своего брата на еврейской свадьбе: пели, плясали...

ОМ: Это уже современная, да?

ЯС: Ну, знаешь какой год это был... 56й? вот... 55й свадьба была? Я точно не ... или 53й, да где-то 56й год, наверное, эта свадьба была. Одни евреи жили, и одни евреи были на свадьбе. В Климово брат женился.

ОМ: Расскажите по порядку как там все было.

ЯС: Ну, сильно не помню... Помню, что очень весело было, столы ломались от еды, вот. Пели и танцевали.

ЮЗ: Еда традиционная? Еврейская?

ЯС: Не помню. Ничего, я не помню уже это, вот.

ОМ: А танцевали, пели что?

ЯС: Не помню даже тоже, еврейские песни пели точно, это я...я знаю же, помню что, потому что помню, был у нас человек, он играл на аккордеоне, вот, и он пел еврейские песни, вот. Пропал у меня, альбом пропал, я бы вам показал все это. Меня, значит, вот до шести лет, носили на руках вся деревня. Я был последним ребенком, мама меня родила в 50 лет. Почти 50 лет, в 47, да Галя? В 47 лет. И, это самое, меня воспитывали все еврейские девочки, они все вот как ты была, и они меня все воспитывали, и носили все под мышками, на руках и везде... ну, еврейская деревня, что там...там такое было чудо, там такое было все...смотрел я спектакль еврейский один раз: значит, Веры Норштейн покойный брат, помню очень хорошо, он был...то, что он участвовал в этом спектакле, я вот помню, дальше я...

ОМ: А о чем спектакль был?

ЯС: Не помню. Не помню. Чего не помню, того не помню. Вот.

ОМ: А как вас воспитывали еврейские девочки? Наказывали вас?

ЯС: Нет, даже не помню. Знаю, что только вот, по разговорам, что это была страшнейшая любовь ко мне, вот. Я был беленький, маленький, вообще. Кудрявенький, да. Сейчас я вам покажу...

...

ЖЕНА: Взяла побежала к со... А он говорит: «Можно я прочитаю Тору пока?», говорит, носил у себя в этом самом, ну как там положено...типа кисета. Тора у него была. И от, пока он читал Тору, вот она мне

рассказывала, как бог спасал евреев, баба Фаня рассказывала, она ж лежала здесь, мы с ней часто говорили, и она мне рассказывала, говорит: «пока... одна невестка оказалась против, не захотела, чтобы его убивать, он помогал очень сильно им, и она побежала сообщить там в ГПО (?) это. Он пока Тору читал, пришли и всех их повязали. Так его бог спас.»

ОМ: Это о ком история?

ЖЕНА: Это баба Фаня рассказывала, как в Белоруссии, как бог спасал... Моя свекровь рассказывала. Евреев спасал.

ЮЗ: Простите, я не поняла, а кто его убить хотел?

ЖЕНА: А те, которым он помог, которых он на ноги поставил. Он был богатый, а они позавидовали и решили его убить. И вот ночью сговаривались пока, одна невестка оказалась против.

...

ОМ: А какие роды были, вам же рассказывали?

ЯС: Нормальные роды были. Нормальные были роды, нормально она меня родила.

...

ЯС: Муж моей сестры во время войны, когда они отходили, значит, с обозами, немцы их догнали за перешейком. Они в каком-то колхозе, значит, там, ну Тюмрюк (?) там, за перешейком, ну за Керчью там... И немцы, короче, захватили всех евреев там. И их везли, значит, всех захватили, их всех на расстрел повезли. И этот Миша, ему было 12 лет, и он... был у него ножичек, он разрезал брезент, и выпрыгну, и по снегу побежал в виноградник. В него стреляли-стреляли – думали, что его застрелили. А он оказался жив. Забрел, значит, в одну деревню забрел там. И женщина его приняла, вот. И он ходил в шапочке, его ж приучили, это самое, кипу эту носить, и вот, она, значит сказала, что это его сын, ее сын. И она садится кушать, а он – раз! А она – раз! И эту шапочку снимет с него, вот. И она его спасла, короче говоря, спасла, значит, и он через много лет, значит, поехал. Там раскопки делали. И когда делали раскопки, он нашел зубы своего отца, у него были золотые зубы, из всех евреев, что там были похоронены, он знал, что только у папы были, у Кругликова, они все были из Климово. Вот половина деревни Климовской там полегло, вот. И он... вот в газете это все очень сильно описывается это все... Я не знаю там где газета эта... А вообще, значит, 300 евреев из нашего колхоза погибли в боях за родину. Погибли. А я еще недорассказал: у меня есть еще родственники, значит в 74м году рассекречен Суперфин... Павлик. Я его никогда в жизни не видел. По родству мама мне рассказывала, значит, что он мне считается двоюродным братом, как это понять, я не могу никак сообразить – от кого и что, ну, недорассказ был мамин. Вот, но мы говорили, значит, на эту тему. Мама мне рассказывала, что: первое, что он был необыкновенно красивым мальчиком, и когда он кончил школу нашу климовскую, его отправили учиться куда-то в Москву. После этого мы его не встречали. Оказывается, потом, когда его рассекретили в 74м году, оказывается, значит, что он кончил какую-то школу, КГБ, или как там оно называется, разведки, и был заслан в Америку,

из Америки перед войной был заслан в Германию. Значит, с группой 4 человека: 2 женщины, 2 мужчины. И, значит, он всю войну проработал в разведке в Абвере. В немецкой разведке в Абвере он служил, вот. И...ну, разведчиком был. И погиб он 26го... откуда это я все знаю, значит, 26го мая он погиб в Будапеште, значит. Он был первым после войны комендантом Будапешта. Суперфин, и, значит, контрразведка сработала, и он там погиб, и женщину застрелили. Вторая пара осталась жива. А еще у меня его родной брат жил в Симферополе, Миша Суперфин, тоже с Климова, вот, он тоже умер, и этот Миша, значит, мне, когда мы встретились, это было наверное, в 78м году, я точно не помню, может быть, позже, значит, он мне рассказал, что его, как его вызвали, значит, в КГБ вызвали, и все ему рассказали, и показали фотографии, значит, с кладбища, где он похоронен в Будапеште. Пионеры за могилой смотрели, за его и этой женщины, и он мне рассказывал, что приезжали, я как раз...ну, я молодой тогда был, приезжали мужчина и женщина, уже пожилые, приезжали из Москвы к нему, с ним встречались, они живые, вот. И ему было присвоено звание Героя Советского Союза, посмертно, и орден Ленина. И это с одной стороны. Потом у меня еще есть сестра, она уже умерла, давно, наверное, но я ее видел. В Куйбышеве, в 74м году.

ОМ: Родная?

ЯС: Нет, двоюродная. Эта Вера Суперфин шла в связке с Зоей Космодемьянской. Знаешь Зою Космо... Ты не знаешь, Оля?

ОМ: Нет.

ЯС: Ну, повесили немцы...

ЮЗ: Героиня

ЯС: Героиня была под Москвой, немцы поймали ее и повесили. Значит, она шла в этой связке. Несколько человек шло комсомольцев, шли они в разведку там, и Зоя попала там, в конюшне, ее повесили, она никого не выдала. Из всех героев, которых признают: там, Павлик морозов – это все сделанные все герои. А Зоя Космодемьянская – настоящая героиня, она никого не выдала и все. И в этой связке, значит, 5 минут разницы, и те остались живы, а она попала. И она никого не выдала, она, вот ее повесили. И Вера получила за это, они там очень ценные сведения принесли, это было, когда Москву вот-вот должны были взять, она получила орден Ленина за это. Вера Суперфин, вот. Теперь, значит, еще могу добавить, значит, недавно, есть очень интересные сведения, про мою фамилию. Значит, супер интересные сведения. Значит, как вам это все объяснить? Значит, племянника сын в Израиле, значит, кто-то там залезли в компьютер, или попросили кого-то, и узнали сведения о моей фамилии. И, в общем, по этим сведениям сделали запрос туда вот, в эту самую. В Белоруссию, в сельский совет, где жили... Климовичи и Шумячи и пришел, пришел ответ. 38 семей там лежат во рву... Суперфины... 38 семей... Вот такой вот документ и все там подчеркнута: кто по... умер, кто-кто-кто... ну, кто, кого расстреляли там. Вот. И у нас живет семья одна – Лосковичи, в том подъезде, вот только под нами, значит... Жена

Вера ее, да, зовут? Тетя Вера была маленькой девочкой, и она помнит как расстреливали Суперфиных.

ОМ: Это, вы уже уехали, да?

ЯС: Не... Это... Мои отец и мать там уже не жили. Это просто мои родственники там жили.

ОМ: Когда это было? Кто их расстрелял?

ЯС: Немцы. В 41м году. В 41м году в Белоруссии. Три... значит, я считал, 38 семей... лежат там... в Климовичах или в Шумячах, ну там в общем... Нашли родственников в Уфе, нашли родственников в Германии там вот по этому, по Интернету, нашли Суперфиных, все... по всему миру есть. Вот так вот.

ОМ: Хорошо, спасибо.